

МИНОЙЦЫ

Джордж Глазго

The Minoans

by George Glasgow

Jonathan Cape
Eleven Gower Street, London

The Project Gutenberg eBook of The Minoans

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Минойцы

Автор: Джордж Глазго

Дата выхода: 10 января 2023 года [eBook #69765]

Последнее обновление: 19 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальное издание: Великобритания: Jonathan Cape, 1923

Кредиты: Тим Линделл и группа онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/American Libraries).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE MINOANS ***

Минойцы

ДАМА ПРИ МИНОЙСКОМ ДВОРЕ
Из Ежегодника Британской школы в Афинах
Фронтиспис

Минойцы

Джордж Глазго

Джонатан Кейп
Одиннадцать Гоуэр-стрит, Лондон

Впервые опубликовано в марте 1923 года

Второй оттиск апрель, 1923

Все права защищены

Отпечатано в Великобритании в издательстве "Батлер и Таннер", Фром и Лондон

ЭТА КНИГА ПОСВЯЩАЕТСЯ РОНАЛЬДУ МОНТАГУ БЕРРОУЗУ, МОЕМУ ВЕЛИКОМУ ДРУГУ И УЧИТЕЛЮ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Возобновленная сэром Артуром Эвансом кампания по раскопкам на Крите вновь привлекла значительное внимание общественности к замечательным открытиям последних двадцати лет. Сам сэр Артур Эванс в настоящее время занят составлением в трех больших томах последовательной истории минойской цивилизации, как она раскрывается в результате его собственных раскопок. Настоящий автор убежден, что история критских открытий способна затронуть воображение широкой публики, не интересующейся археологией. В этой истории есть весь интерес приключений и исследований. Эта книга - попытка удовлетворить запросы такой публики. Я попытался дать общую картину мира, существовавшего в Средиземноморье четыре тысячи лет назад, и удивительного процесса, в результате которого он был раскрыт, так, чтобы ее могли понять люди, совершенно не знакомые с классической наукой, и постарался дать ее за один час чтения. Для тех, кто хочет пойти дальше, я даю ссылки на другие книги. Следует понимать, что эта книга не ставит своей целью точное изложение археологической ситуации в том виде, в каком она существует на сегодняшний день. Поскольку новые раскопки ведутся уже в этом году, а в руках раскопщиков находятся новые материалы, еще не опубликованные и не переваренные, любая попытка быть строго в курсе событий означала бы лишь постепенное и неопределенное откладывание книги. Широкие линии открытия минойской цивилизации ясны, и, по мнению писателя, даже потому, что сейчас началась новая кампания раскопок, они должны быть представлены уже сейчас в форме, доступной для понимания. Результаты открытий, сделанных этой весной, например, добавляют важные детали к нашим знаниям, некоторые из которых я включил, но не затрагивают основ.

Часть содержания следующих глав была опубликована в 1920 и 1921 годах в журнале *Discovery*, редактору которого я благодарен за разрешение переиздать их. В несколько иной форме эти материалы были также опубликованы мной в 1914-1915 годах в журнале *National Home Reading Magazine*.

Своим интересом к Криту я, как и тысячи других людей, обязан моему другу доктору Рональду Монтагу Берроузу. Он умер 14 мая 1920 года, не дожив до своего времени. Он был невероятно, вызывающе молод и энергичен как внешне, так и в деятельности, и в пятьдесят два года создавал работы на вершине своей блестящей формы. Его работы представляли собой смесь молодости и зрелости, какую не часто встретишь. В 1907 году, когда он впервые опубликовал свои "*Открытия на Крите*", люди были сбиты с толку лавиной открытий на Крите, которые продолжались с начала века. Достижение Берроуза, за которое ученые и интеллектуальная общественность с тех пор благодарны ему, заключалось в том, что он дал всеобъемлющий и интерпретирующий отчет обо всем откровении и поместил его в свою перспективу. До этого даже ученые в целом не видели дерева за деревьями.

Собственные раскопки доктора Берроуза в Пилосе и Сфактерии, а также в Риконе были типичными для него. Он внес ясность в повествование и подтвердил добросовестность историка Фукидида. Ученые тщетно пытались найти какие-либо следы укреплений, которые, по словам Фукидида, были возведены здесь спартанцами во время Пелопоннесской войны. Всего за несколько месяцев до того, как Берроуз впервые отправился на поиски - тогда он

был еще молодым человеком, не знавшим всей сложности своей затеи, - знаменитый географ, доктор Грюнди, исследовал место и сообщил, что от укреплений не осталось и следа. Берроуз обнаружил значительные остатки, спрятанные под кустарником, и сумел доказать, что они полностью соответствуют рассказу Фукидида.

Я благодарен профессору Р. С. Конвею и сэру Артуру Эвансу за то, что они прочитали мою рукопись и помогли мне с предложениями; но ни один из них не несет ответственности за то, что появилось в этой книге.

1922.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА.	СТРАНИЦА
Предисловие	7
1 Крит - предшественник Греции	13
2 Морской народ Крита	20
3 Минос и Минотавр	24
4 Кносс	30
5 Доисторическая инженерия и архитектура	37
6 Внутренняя политика: отношения Кносса и Фестоса	44
7 Минойская архитектура и фресковая живопись	48
8 Керамика	55
9 Происхождение письменности	65
10 Критская религия	75
11 Мужчины и женщины, одежда и обычаи	83
12 От доисторического Крита до классической Греции	90
Указатель	93

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Дама минойского двора	<i>Фронтиспис</i>
Прыжок быка	<i>перед страницами 35</i>
Кубконосец	" 39
Полихромные кубки	" 62

Глава 1: *Крит - предшественник Греции*

Господин Вениселос вырос на Крите. Это не первый случай в истории, когда Крит передает свои продукты Греции и Европе. Четыре тысячи лет назад на Крите, который в то время был владычицей моря и доминирующим фактором в Эгейском море, были заложены самые основы греческой и европейской цивилизации. Однако никто из нас не знал об этом, пока сэр Артур Эванс несколько лет назад не начал раскопки на Крите. Когда мистер Вениселос был мальчиком, само существование доисторической критской цивилизации было неизвестно. Наши знания о ней почти полностью раскрылись после 1900 года. За это короткое время лопаты сэра Артура Эванса перевернули все наши представления о ранней истории Европы. Раскопки в Кноссе, Фесте и других местах на Крите раскрыли существование народа, чья форма цивилизации, самая ранняя в Европе, процветала задолго до начала письменной истории. Они рассказали нам об их повседневной жизни, играх, развлечениях, искусстве, религии, письменности (хотя язык еще не понят); об их физическом типе, одежде, домах, в которых они жили. Фасон женских платьев, обнаруженный на орнаментах и других реликвиях искусства, с открытой шеей и воланами на юбках, заставил одного французского ученого воскликнуть: "Mais ce sont des Parisiennes!"

В Кноссе был обнаружен большой дворец, не уступающий по размерам Букингемскому дворцу. В нем есть дренажная система, которую выдающийся итальянский археолог, доктор Хальбхерр, назвал "абсолютно английской" и которая, безусловно, опережает гидротехнику XIX века. Это было четыре тысячи лет назад.

Раскопки на Крите вызвали все волнения исследователей. Когда была обнаружена расписная панель с сенсационной сценой приманки быка из минойского цирка, или Фестский диск, покрытый письменами, или фреска с изображением Чашника в Кноссе, волнение достигло своего апогея. Оно не ограничивалось только раскопщиками. Старый рабочий, который дежурил ночью, наблюдая за фреской Чашника во время деликатной операции по ее демонтажу, был разбужен тревожными снами и заявил потом, что "все это место полно призраков".

Чарльз Кингсли, несомненно, перевернулся в своей могиле. Когда он писал "*Героев*", то, как он сам объяснял, писал сказочную историю для своих детей. Он и не подозревал, что его сказочная история во многом была исторической правдой. Он писал, например, что дворец царя Миноса в Кноссе был похож на мраморный холм. Он не знал, что на Крите действительно жил царь Минос и что его дворец, стоявший на холме в Кноссе, был построен если не из мрамора, то уж во всяком случае из камня.

Вплоть до последнего полувека вся история классической Греции, которую преподавали в школах и университетах, рассматривалась как нечто изначальное, как начало вещей, внезапно появившихся на свет, подобно мифической Афине. Скульптура, архитектура, философия, ораторское искусство и драма пятого века до нашей эры принимались беспрекословно и с благоговением как спонтанные первые плоды греческого гения. История Греции, как ее понимали тогда, восходила только к восьмому веку до нашей эры, за которым были Темные века и ничто. До времен Эсхила, Софокла и Еврипида, правда, существовал проблематичный поэт, наполовину мифический, наполовину реальный, неуловимый и теневой, известный как Гомер. Тот факт, что он был представлен как родившийся в девяти разных местах, свидетельствует о неясности, которой была окутана личность поэта. Он (или они, если его поэмы были составным произведением) воспевал деяния и людей, которые, казалось, доносились эхом из тех темных веков. Какие бы домыслы ни возникали по поводу самого Гомера и его личности, никто никогда не сомневался, что если он и был реальным

человеком, то уж точно первым реальным человеком, которого смогла установить европейская история. За последние двадцать лет было показано, что он был не началом, а концом огромного этапа греческой и европейской истории.

Теперь, когда становится известно о реальных истоках греческой цивилизации, поражает тот факт, что до сих пор они были так полностью похоронены в двух смыслах. Это тем более примечательно, что многое было известно о других соответствующих истоках на Ближнем Востоке. В Египте и Вавилонии старые традиции были переданы последующими поколениями греческим писателям, которые сохранили, правда, несовершенно, необходимые связующие звенья. В случае с греческой цивилизацией не только не было никаких ступенек назад к соответствующей фазе; похоже, никому и в голову не приходило, что такая фаза была. Безоговорочное и самодовольное принятие в качестве мифов (что то же самое, что молчаливое и полное неверие) эпических историй, в центре которых стоял Агамемнон и гомеровские герои, не оспаривалось вплоть до середины прошлого века. Историк Грот, например, заявлял, что "анализ басен и извлечение из них каких-либо достоверных конкретных фактов" было бы "бесплодной попыткой" (*History of Greece*, 2nd edition, 1849, p. 223).

Таковы были взгляды современников Гроте. Затем произошло важное событие. Бедному мальчику по имени Шлиман отец рассказывал эти греческие басни, и детскому уму они казались буквальной правдой. Однажды в бакалейную лавку, где он работал, зашел пьяный мельник и начал декламировать какие-то строки Гомера. Шлиман был очарован и, как гласит история, потратил все свои свободные деньги на виски, чтобы поощрить мельника повторять строки снова и снова, а затем молил Бога, чтобы когда-нибудь ему самому выпало счастье выучить греческий язык. Его буквальная вера в "мифы" осталась с ним, и он решил найти стены Трои. Будучи бедняком, он всю жизнь упорно копил деньги, прежде чем смог испытать свою веру на прочность. Однако в конце жизни он накопил достаточно денег для этой цели и отправился в Гиссарлык, место в Малой Азии, где, по преданию, стоял город Троя. Он начал копать в земле и, к своей радости, обнаружил погребенные стены города. Позже было доказано, что обнаруженные им стены принадлежали не гомеровскому городу, как естественно предположил Шлиман, а другому городу, существовавшему на том же месте тысячу лет назад. Он копал внутри и по кругу гомеровских стен, не обнаружив их. Из Трои он отправился в Микены и Тиринс на греческом материке, и там обнаружил видимые реликвии гомеровских историй, сосредоточенных на греческом материке. Достижением Шлимана стало установление исторического существования "микенской цивилизации". Сейчас мы знаем, что эта цивилизация процветала примерно с 1400 до 1100 года до н. э. Это романтическая история о том, как Шлиман обосновал свою простую веру в историческое происхождение гомеровских поэм. Шлиман заслужил удовлетворение исследователя, которым он наслаждался и которое проявилось однажды, когда он послал телеграмму эллинскому царю, объявив, что нашел гробницу Агамемнона в Микенах. Хотелось бы, чтобы это было буквально правдой, как считал Шлиман. В любом случае именно он заложил основы всей структуры современных доисторических исследований в Восточном Средиземноморье.

Самой захватывающей и самой важной частью этих исследований стало открытие Крита. Критские находки сэра Артура Эванса и других раскопщиков, британских, американских и итальянских, доказали, что микенская культура, открытая Шлиманом, была поздней и даже упадочной фазой великой средиземноморской цивилизации, центр которой находился на Крите.

Глава 2. Морской народ Крита

Первобытные эгейские народы сыграли огромную роль в жизни Ближнего Востока. Они существовали несколько тысяч лет, и следы их деятельности есть на каждом берегу Восточного Средиземноморья. Крит, по словам Гомера, был землей "посреди винного темного океана, справедливой и богатой, с водами вокруг" ("Одиссея", хіх. 172). Это был естественный центр, к которому сходились материки Греции, Малой Азии и Египта, тем более что его неровное побережье обеспечивало хорошие гавани для небольших кораблей того времени.

Первое поселение человека на Крите произошло в Кноссе, в позднем или "неолитическом" каменном веке. Этот факт подтверждается характером реликвий, найденных на самом низком уровне раскопок, который представляет собой самый ранний период времени. Фест, расположенный на южной стороне острова, принял своих первых жителей позднее, о чем свидетельствуют найденные там керамические изделия. Это типичный пример ценности керамики как археологического свидетельства. Самая ранняя посуда, найденная в Кноссе, не имеет орнамента; следующая улучшена "врезанными линиями", то есть линиями, вырезанными в глине заостренным инструментом и часто заполненными, для большего эффекта, белым веществом. В Фесте, с другой стороны, керамика, найденная ниже, уже находится на второй стадии художественной эволюции, из чего можно сделать вывод, что люди, поселившиеся там, взяли с собой искусство, до которого оно было развито кносцами.

После "каменного" века наступил "бронзовый". Люди поняли, что лучшим материалом для изготовления инструментов является не камень, а смесь меди и олова. Живописный оттенок этому открытию придает итальянский археолог Анджело Моссо, который в книге *"Рассвет цивилизации"* дает основания полагать, что даже в столь отдаленный период олово было привезено на Крит из Корнуолла. Он настолько далеко зашел, что указал на реальный караванный маршрут, по которому перевозилось олово. Именно во время бронзового века, который длился около 2 000 лет, критская цивилизация достигла своего наивысшего уровня. Сэр Артур Эванс дал ей живописное название "минойская" и разделил ее на три стадии - раннюю, среднюю, позднюю, каждая из которых состоит из трех подразделений. Ранний минойский I (Е.М. I) начинается около 2800 г. до н.э., поздний минойский III (L.M. III) заканчивается около 1100 г. до н.э. (см. *"Открытия на Крите"*, д-р Рональд М. Берроуз, стр. 98). Эти девять периодов - счастливая игра с "девятью сезонами", в течение которых Гомер говорит о царе Миносе, царствующем в Кноссе: "А на Крите есть Кносс, великий город, и в нем девять сезонов правил Минос, друг лона могучего Зевса". ("Одиссея", хіх. 179). Термин "минойский" следует тщательно отличать от "микенского". После открытий Шлимана в Микенах и Тирине термин "микенский" использовался в общем смысле, чтобы охватить всю доисторическую эгейскую цивилизацию; но теперь, когда Крит поместил Микены в правильную перспективу, термин "минойский" используется для обозначения более ранней и большей фазы, в то время как "микенский" просто охватывает последнюю фазу; все это обозначается как "эгейский". Для завершения номенклатуры существует еще один эпитет - "кикладский", который иногда заменяется на "минойский", когда речь идет исключительно об островных поселениях за пределами Крита.

С падением Кносса, которое произошло незадолго до 1400 года до н. э. - я принимаю датировку доктора Берроуза - центр влияния в Эгейском море перешел с Крита на

материковую часть Греции, и начался настоящий "микенский" период. Затем последовали Темные века, которые сами по себе непосредственно предшествовали "исторической" Греции. История Греции начинается примерно в 800 году до нашей эры.

Глава 3: *Минос и Минотавр*

Если девять минойских периодов, на которые сэр Артур Эванс разделил бронзовый век на Крите, - это прежде всего причудливая игра с "девятью временами года" правления царя Миноса в Кноссе, то сама система датировки отнюдь не причудлива. Она опирается на прочную основу. Это стало возможным в основном благодаря тому, что древние критяне были мореплавателями. Критские продукты экспортировались в Египет и были найдены там рядом с египетскими отложениями более или менее известной даты. Таким образом, можно установить систему последовательной датировки. Очевидно, что критская ваза, найденная рядом с египетской вазой 2500 г. до н. э., относится к более раннему периоду, чем та, что была найдена в отложениях 1500 г. до н. э. Это установление ориентиров - первый шаг. Второй - присвоение им абсолютных дат в терминах нашей собственной хронологии. Благодаря тому, что египетские даты (по крайней мере, в определенных пределах) известны в терминах нашей собственной, и что египетская посуда была найдена на Крите так же, как критская в Египте, уравнение возможно. Главная трудность заключается в том, что египетская хронология сама по себе интерпретируется по-разному, и для сравнения необходимо зафиксировать одну конкретную версию. Были установлены три удобных и легко запоминающихся ориентира:

(a) Ранний Миной II соответствует династии VI в раннем династическом периоде Египта, около 2500 г. до н. э. Поскольку доказательства этого уравнения незначительны по сравнению с двумя другими, в настоящее время оно должно быть принято с оговорками в качестве хорошей рабочей гипотезы.

(b) Среднеминойское II соответствует династиям XII и XIII в Среднем царстве Египта, около 1900-1700 гг. до н.э.

(c) Поздний Миной II соответствует династии XVIII в Новом царстве Египта, около 1500 г. до н.э.

Основой для хронологической реконструкции послужила керамика. Прекрасная критская многоцветная посуда среднеминойского периода, экспортированная в Египет во времена Среднего царства и найденная вместе с предметами Двенадцатой династии, является главным фактором, уравнивающим эти два периода, и другие уравнения основаны на аналогичных фактах. В некоторых случаях по керамике можно установить приблизительные даты без помощи уравнений. Например, здания не могут стоять позже, чем датируется конкретный вид керамики, найденный в их руинах. Можно мимоходом заметить, что египетская торговля, на которую указывают остатки критской керамики, стала причиной значительного улучшения этой керамики. К концу раннего минойского периода два великих изобретения - печь для обжига и гончарный круг - были привезены на Крит из Египта. До этого времени вазы грубо формировались вручную и закалялись на солнце. Теперь их "бросали" с таким мастерством, что они достигали тонкости яичной скорлупы.

Следы торговых связей за границей можно обнаружить еще в эпоху неолита. Среди залежей каменных орудий на Крите есть большое количество обсидиановых ножей, а единственным источником обсидиана в Эгейском море был остров Мелос. Обсидиан - это разновидность

вулканического стекла, которое отслаивается слоями, давая естественный край. Раскопщики, которые, как и большинство людей, являются детьми, брились и почти брились обсидиановыми ножами.

Вероятно, у Минойской империи был и флот, и торговый флот. Минос обычно представлялся как "Правитель волн", а греческие историки, Геродот и Фукидид, ссылаются на него как на мифический персонаж, прославленный как первый обладатель флота. О масштабах Минойской империи можно судить по тому, что на всех берегах Эгейского моря, от Сицилии на востоке до Газы на западе, сохранилось множество торговых станций и морских аванпостов, носивших имя "Миноа". По преданию, в истории империи была и плохая глава. Когда сын царя Андрогей отправился в Афины участвовать в играх, он выиграл все и был убит из ревности, и тогда могущественный Минос постановил, что каждые девять лет (или, как говорят другие версии истории, каждый год) семь афинских юношей и семь девушек должны быть отправлены на съедение Минотавру, чудовищу, наполовину человеку, наполовину быку, которое жило в лабиринте под названием Лабиринт. Так случилось дважды, но на третий раз герой Тесей вызвался стать одной из жертв, и с помощью Ариадны, дочери царя, которая влюбилась в него, он убил чудовище. Она дала ему меч и веревку, которую он привязал к входу в лабиринт, когда входил внутрь. Таким образом, он смог снова найти выход. Тесей пообещал своему отцу, старому царю Эгею, что если он вернется живым, то на его корабле появятся белые паруса вместо обычных черных, чтобы весть о его спасении можно было прочесть вдали. То ли от восторга, то ли торопясь покинуть Наксос, где (по преданию) он бросил Ариадну, Тесей забыл о своем обещании, и Эгей, наблюдая со скалы и видя, что паруса черные, в отчаянии бросился в море. Отсюда и название "Эгейское" море. Обретение Ариадны богом Вакхом - тема знаменитой картины Рубенса, хранящейся сейчас в Национальной галерее.

Минос тем временем пожинал то, что посеял. Дейдал, архитектор Лабиринта, также стал жертвой недовольства царя и, сделав себе крылья, бежал на Сицилию. Его сын Икар, отправившийся с ним, подлетел слишком близко к солнцу; воск, скреплявший его крылья, растаял, и он упал в море. Минос преследовал Дедала до Сицилии и был убит в результате предательства. Его подданные отправились в карательную экспедицию на остров, но так и не вернулись, а Крит захватили чужеземцы.

Это легенда. Однако фактом является то, что Минойская империя действительно пришла к внезапному и жестокому концу. Ее остатки - "люди из Кефтиу" ("Запределье"), как называли их египтяне, - высадились на берегах Малой Азии и в конце концов обосновались в Палестине как библейские филистимляне. Туман легенды рассеивается. Огромный Кносский дворец - одна из самых солидных достопримечательностей. В его запутанных коридорах, лестницах и комнатах можно узнать сам Лабиринт, что подтверждается свидетельствами, обнаруженными внутри дворца.

В ходе дальнейших раскопок, проведенных в начале этого года (1922), сэр Артур Эванс обнаружил то, что он описывает как "отверстие искусственной пещеры, с тремя грубо вырубленными ступенями, ведущими вниз к тому, что можно описать только как логово, приспособленное для какого-то большого зверя". Чтобы факт снова не перерос в басню, сэр Артур добавляет: "Но здесь лучше дать волю воображению".

Истории о Миносе и Минотавре стали восприниматься в классической Греции с чем-то похожим на благоговение. Корабль, который, как предполагалось, доставил Тесея в Кнос, был сохранен и каждый год отправлялся с особыми жертвоприношениями на Делос. Во время его отсутствия Афины находились в состоянии торжественности, и не совершалось

никаких действий, которые, как считалось, могли бы повлечь за собой общественное пятно. Например, казнь Сократа была отложена на тридцать дней до его возвращения.

Глава 4: Кносс

"А на Крите есть Кносс, великий город, и в нем девять сезонов правил Минос, друг лона могучего Зевса" (Гомер, "Одиссея", хіх. 178-179). Эти "девять сезонов" были долгими периодами разнообразной деятельности. Древний Крит был родиной художественного, торгового и имперского народа - здесь существовала Минойская империя, а в Кноссе, столице Крита, находился дворец Миноса.

Кносский дворец был построен на склоне невысокого холма - холма, известного сегодня как "Ту Целебе Хе Кефала", или "Голова джентльмена", - который возвышался над уединенной долиной в трех с половиной милях от северного побережья острова. Таким образом, он скрывался от блуждающих глаз проходящих мимо пиратов, и в то же время с соседнего холма открывался вид на минойские корабли, стоявшие в гавани. Этот флот был практически единственной защитой города. У Кносса не было крепостной стены. Как и довоенный Лондон, он зависел от безопасности своего острова и владения морями. Она не была подвержена, как материковые города Микен и Тиринс, и как современный Париж, опасности вторжения по суше. Отсутствие укреплений было одним из первых моментов, поразивших раскопщика. В своем отчете о первом сезоне работ (1900 г.) сэр Артур Эванс пишет: "Протяженность и характер внешних стен еще не ясны, но ясно, что в то время как компактные замки Арголиты строились для обороны, этот критский дворец с его просторными дворами и широкими коридорами был спроектирован в основном с расчетом на комфорт и роскошь" (*Journal of Hellenic Studies*, vol. xx, p. 168).

Здесь были небольшие укрепления, в основном возле северных ворот, состоящие из караульного помещения и бастионов, но стратегические соображения совсем не повлияли на основную архитектуру.

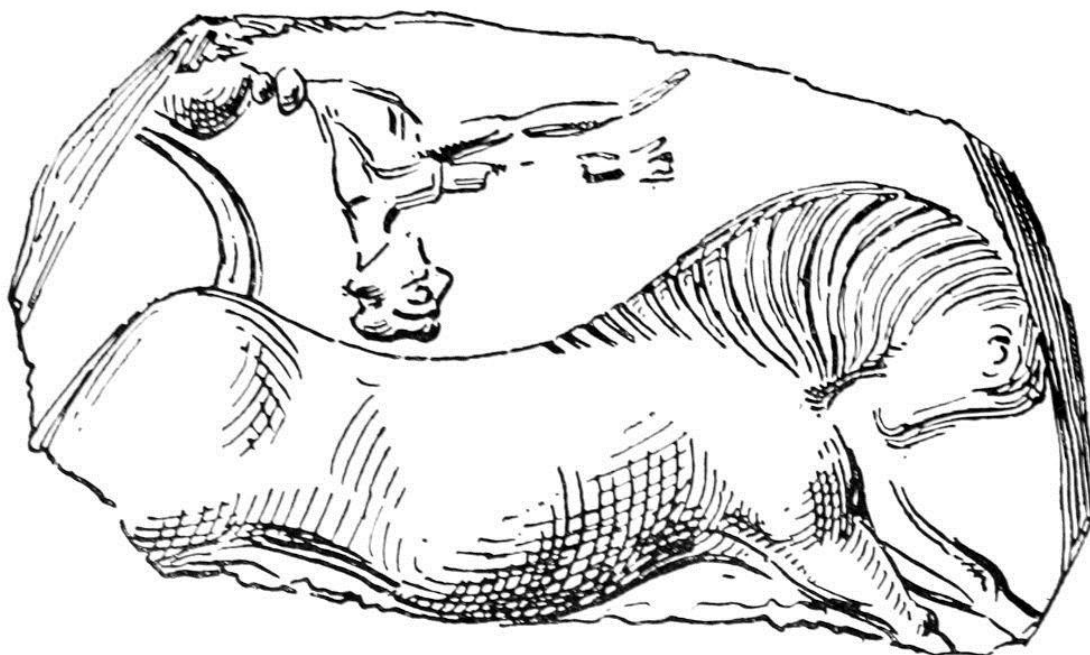
Это удивительное сооружение. Построенное задолго до нашей эры, как и весь мир, кажется невероятным, что, например, в нем должна быть подземная дренажная система. Нет никаких сомнений в том, что критские архитекторы были людьми состоявшимися. Г-н Х. Р. Холл в книге *"Древняя история Ближнего Востока"* (стр. 47) говорит, что "по сравнению с этим замечательным зданием (более поздним дворцом в Кноссе) дворцы египетских фараонов были всего лишь замысловатыми лачугами из крашеной грязи". Кносс, кажется, красноречиво говорит о кипящей жизни и энергии молодого и любящего красоту народа, впервые ощутившего свою творческую силу".

Нынешние руины относятся к трем сооружениям, построенным в разное время. Первое было построено в М.М.І, или до 2000 года до н.э., и было сожжено в конце М.М.ІІ (около 1700 года до н.э.). Позднее (около 1600 года до н.э.) он был перестроен в большем масштабе, а это здание, в свою очередь, после примерно трехсот лет использования было перестроено и расширено. Сэр Артур Эванс в ходе раскопок 1922 года сделал важное открытие, которое доказывает, что среднеминойский период ІІІ закончился сильным землетрясением (около 1600 года до н.э.). Он обнаружил несколько небольших домов, заваленных огромными блоками - "некоторые весом около тонны, отброшенные на двадцать футов от стены дворца в результате того, что могло быть только сильным толчком землетрясения".

Именно последний великолепный дворец, построенный на руинах 1600 года до н. э., преобладает в современных развалинах; в нем критяне достигли вершины своей культуры. Этот период, к которому относится так называемый "дворцовый стиль" в искусстве, был столь же недолговечным, сколь и блестящим. В течение пятидесяти лет (так свидетельствуют факты) дворец был разграблен и сожжен, и это был конец Древнего Крита; ведь те же захватчики, которые разграбили Кносс, разрушили и дворец в Фесте.

Повезло, однако, что минойские библиотеки были сделаны не из бумаги, а из глиняных табличек. Они были сохранены, а не уничтожены огнем. Обжиг, которому они подверглись, позволил им пережить сырость почвы, и они сохранились до наших дней, являясь потенциальным толкователем многого, что до сих пор остается неясным. Их еще нельзя прочесть. Перед учеными стоит трудная, но благодарная задача - определить по этим документам минойский язык. Повезло еще, что разграбителям Кносса негодились глиняные таблички, которые, соответственно, избежали гибели более "ценной" добычи. Доктор Берроуз в книге *"Открытия на Крите"* (стр. 19) в качестве комментария приводит телеграмму Рейтера, в которой в связи с пожаром в Севилье в 1906 году сообщалось, что "архивы были полностью уничтожены, но наличные деньги и ценности были спасены!".

Внешние стены дворца были построены в основном из гипса, камня, состоящего из кристаллов сульфата кальция, который в изобилии был найден в окрестностях Кносса. Он был настолько мягким, что для защиты от непогоды его нужно было покрывать известковой штукатуркой. Поэтому внешняя часть здания представляла собой простор белой штукатурки, местами, возможно, разбавленной декором или цветом (см. статью Нозля Хитона "Минойская известковая штукатурка и фресковая живопись" в *Journal of the Royal Institute of British Architects*, xviii, p. 697 (1911)). Дворец представлял собой квадратное здание площадью около пяти акров, или такой же большой, как Букингемский дворец, и имел плоскую крышу. По форме он представлял собой полый прямоугольник с центральным двором, размером почти двести футов с севера на юг и не более половины ширины, так что окружающие его крылья на востоке и западе были пропорционально шире, чем полоса зданий на севере и юге. Основная часть здания, по сути, была разделена между этими двумя крыльями, причем западное крыло находилось выше по склону и имело меньше этажей, чем восточное, фундамент которого спускался в долину. За западным крылом находился еще один двор - место встреч жителей города и дворца; а на северо-западе располагалось здание поменьше - Малый дворец, соединенный с дворцом тем, что сэра Артура Эванса называл "самой старой мощеной дорогой в Европе", а немного северо-восточнее находилась Королевская вилла.

ПРЫЖКИ БЫКА

Из Ежегодника Британской школы в Афинах

Если вы пройдете по этой мощеной дороге, приближаясь к дворцу, то увидите небольшое открытое пространство, сорок футов на тридцать, огороженное с двух сторон поднимающимися ярусами ступеней с приподнятой платформой в углу между ними. Это и был театр. Некоторые ученые отождествляют его с танцевальной площадкой (хоросом), которую, по преданию, "Дейдалус построил в широком Кноссе для прекрасной Ариадны" (Гомер, "Илиада", xviii. 590); хотя сэр Артур Эванс считает, что хорос находился во дворе дворца. Он вмещал около 500 зрителей, которые составляли часть или всю "огромную толпу, окружавшую прекрасную танцевальную площадку, полную ликования" (цитируя ту же традицию). Несомненно, здесь проводились боксерские состязания и другие виды спорта. Критяне, судя по найденным изображениям, были приверженцами напряженных и захватывающих, возможно, жестоких видов спорта. На одной из расписных панелей изображена сцена боя быков. На ней изображены две девочки и мальчик, причем девочки отличаются от мальчика белой кожей, хотя все трое одеты в одинаковые ковбойские одежды. Бык, опустив голову, набрасывается на одну из девушек, которая схватила его за рога, пытаясь, видимо, перевернуться кувирком через его спину, что мальчик и делает. Он уже на полпути, и вторая девушка готова поймать его. (См. *Journal of Hellenic Studies*, xxiii, p. 381. Копия фрески находится в Ашмолеанском музее в Оксфорде.)

В пятидесяти ярдах к востоку от театра находится северный вход во дворец, который ведет прямо в центральный двор. Вокруг этого двора сгруппированы различные помещения дворца.

Глава 5: Доисторическая инженерия и архитектура

План Кносского дворца на первый взгляд довольно запутанный, особенно если вспомнить, что он представляет собой только первый этаж первоначального здания и что над ним нужно

представить себе в некоторых местах два, а в других, возможно, три этажа комнат. Если это старый лабиринт из легенды, то неудивительно, что Тесею понадобилась его Ариадна, чтобы показать ему выход из него; и что Дедал, построивший его, сам не мог найти другого способа выбраться, кроме как взлететь прямо в воздух!

Но легенде свойственно преувеличивать, и можно легко понять, как спустя годы после разрушения дворца заброшенные руины с их призрачными коридорами и покоем создавали впечатление "неразрывного лабиринта", который был выкристаллизован традицией и стал декорацией для многих критских историй. В том виде, в котором дворец существовал во времена Миноса, он, конечно, не был бы столь фантастическим. Расположение комнат и коридоров, хотя и было весьма масштабным и сложным, основывалось на простом плане. Масса зданий в западном крыле дворца разделена на две половины длинным коридором, идущим на север и юг, а в восточном крыле - на восток и запад, и четыре деления, сделанные таким образом, укладываются в регулярную схему.

В западном коридоре шириной четыре ярда и длиной шестьдесят шесть ярдов до сих пор стоят огромные каменные вазы, "достаточно большие", как сказал сэр Артур Эванс, "чтобы спрятать Сорок воров". Они использовались для хранения зерна, масла, вина, сухофруктов и тому подобного. В этом коридоре, открывающемся с запада, есть ряд магазинов и небольших камер, которые также использовались для хранения; в то время как под полами, как в магазинах, так и в коридоре, находились крепкие кунсткамеры, некоторые из них были выложены свинцом, в которых, возможно, хранились государственные сокровища. Вход, ведущий с западного двора или рыночной площади, удобно расположенный рядом с помещениями комиссариата, должен был использоваться торговцами. Говоря о внешней стене дворца, которая граничит с западным двором, Хозес (*"Крит - предшественник Греции"*, стр. 66) отмечает: "Она имеет выступающее основание, на котором крестьяне и более скромные купцы могли сидеть, дремля, не сводя глаз со своих товаров и вьючных животных. В долгие утренние часы, когда движение было наиболее оживленным, это место всегда находилось в тени - приятное убежище от солнечных лучей, которые так яростно били по открытой площадке". Однако низкий узкий выступ не был особенно удобен для сидения. В узком коридоре к западу от южного главного входа была найдена фреска "Чашник" - удивительное произведение искусства. На ней изображен минойский юноша, с достоинством несущий перед собой золотую и серебряную вазу. Изначально она находилась не в коридоре, в котором была найдена и которому дала свое название, а на западной стене южного входа. Она упала в коридор, когда разрушилась соединительная стена. На обложке книги доктора Берроуза *"Открытия на Крите"* есть репродукция "Купноносца", которая, конечно же, лишена ярких красок оригинала.

КУБОНОСЕЦ

Из книги "Открытия на Крите". By R. M. Burrows (John Murray)
[К началу [страницы 39](#)

По другую сторону центрального коридора западного крыла находятся комнаты, в которых проводились государственные и религиозные мероприятия. В Тронном зале, который почти не сохранился, до сих пор стоит великолепный трон Миноса, вырезанный из цельного камня, а вдоль стены по обе стороны от него стоят каменные скамьи, на которых сидели его советники. Это был главный зал минойского правительства, в котором принимали иностранных послов и управляли государственными делами; здесь же решались важные судебные дела, а Минос был верховным судьей. Следует помнить, что Минос был не только законодательным главой великой морской империи. Будучи сам божественного происхождения, он представлен как великий законодатель и жрец Зевса, каждые девять лет беседующий с богом в Диктейской пещере и получающий от него, подобно ветхозаветному Моисею, знаменитый свод законов, действовавший на протяжении всего периода существования Минойской империи.

После смерти, в соответствии с верой в то, что люди в Нижнем мире продолжают исполнять свои прижизненные обязанности, он стал судьей мертвых. Рассказывая о своем посещении подземных областей, Одиссей говорит: "И увидел я Миноса, прославленного сына Зевса, с золотым скипетром, вершащего правосудие над мертвыми, когда он сидел там; а вокруг него, их царя, мертвые спрашивали о своих правах, сидя и стоя, в широко закрытом доме Аида" (Гомер, "Одиссея", xi. 568-571).

Покинув западное крыло дворца и пересекая центральный двор, вы спускаетесь в восточное крыло по Большой лестнице, которая, даже будучи обнаруженной, находилась в удивительном состоянии сохранности, а к концу 1910 года остатки не менее чем пяти пролетов были восстановлены в первоначальном положении. По словам ее первооткрывателя, "около трех с половиной тысячелетий назад по этой лестнице проходили цари и царицы из рода Миноса, направляясь от мест выполнения своих государственных и сакральных функций в западном крыле дворца к более уединенным покоям царского дома". Эти покои занимают юго-восточный угол дворца, построенного на склоне холма и выходящего в долину. Приближаясь к ним по центральному коридору, идущему на восток от центрального двора, вы проходите сначала через мужские залы - Зал колоннад и Зал двойных топоров, а затем по темному кривому коридору, названному из-за его формы Коридором собачьих лап, который "усиливал уединенность комнат", вы попадаете в Мегарон королевы и апартаменты дам. Мегарон - это своего рода зал с колоннами, открытый с одного конца, чтобы пропускать свет. В других частях здания свет проникал через шахты, опущенные с крыши на первый этаж.

Мегарон царицы особенно роскошен; он украшен по принципу, который, как говорит сэр Артур Эванс, был использован позже римлянами Империи. Настенные росписи, выполненные в перспективе, включали морскую сцену с играющими рыбами, лесной пейзаж и дадо с танцующими девушками.

Именно в этой части здания инженерам пришлось потрудиться над дренажом и водоснабжением. Это была самая низкая часть склона холма, на котором стоял дворец, и водоснабжение, которое шло из окрестностей Северных ворот, должно было быть организовано таким образом, чтобы предотвратить затопление - достаточно сложная задача для инженеров 4000-летней давности. Они решили ее с помощью системы параболических изгибов, благодаря которым поток подвергался трению. Раковины, туалеты, подземные трубы говорят о современном дренаже. Тем не менее, они использовались в Кноссе.

Помещения здания в юго-восточной части располагались террасами на разных уровнях на склоне холма. Тот факт, что парадная лестница имела пять пролетов, не означает, что в ней

было пять этажей, расположенных один над другим. В результате окончательной реставрации этой лестницы сэром Артуром Эвансом и доктором Маккензи в 1910 году выяснилось, что "верхняя площадка пятого пролета не ведет на первый этаж центрального двора, а соответствует по высоте тому, что должно было быть первым этажом комнат на другой или западной стороне. Следовательно, она сама должна была вести к какому-то возвышенному зданию, вероятно, террасе, которая шла вдоль восточной стороны двора" (*Britannia Yearbook*, 1913, "Crete", p. 269. Dr. R. M. Burrows).

Осталась северо-восточная часть. Здесь жили художники и рабочие дворца. В одной из комнат давили оливки, масло уносилось по каналу, который дважды поворачивался под прямым углом, пока не достигал носика, установленного в стене ниже по склону, на расстоянии более пятидесяти футов. Там наполнялись кувшины для масла, которые до сих пор стоят в соседней комнате. Другая комната была определена воображением сэра Артура Эванса как школьный класс. В других комнатах "лепили" и расписывали горшки, вырезали каменные вазы, отливали золотые, серебряные и бронзовые изделия, высекали скульптуры, гранили камни и драгоценные камни, а также вырезали любимые миниатюры из слоновой кости, которые на расстоянии десяти или одиннадцати дюймов воспроизводили человеческую форму до мельчайших деталей вен и ногтей на пальцах.

Таким образом, становится ясно, что Кносский дворец был чем-то большим, чем резиденция царя Миноса. Он содержал сообщество, полностью организованное в своих стенах и независимое от внешних связей, на манер средневекового замка.

Глава 6: *Внутренняя политика: отношения Кносса и Фестуса*

На другой стороне острова, в Фесте, находился еще один большой дворец, который был раскопан итальянской археологической миссией. Во многих отношениях этот дворец был столь же великолепен, как и Кносский. Как и Кносс, он был построен на холме на фундаменте, образованном путем выравнивания зданий, существовавших на этом месте с эпохи неолита; и, как и Кносс, хотя и в меньшем масштабе, он состоял из системы зданий, сгруппированных вокруг центрального двора. Некоторые из останков сохранились лучше, чем в Кноссе, и поэтому полезны для дополнения наших знаний о Золотом веке древнего Крита, которые мы черпаем в основном из Кносса. Однако следует помнить, что из-за архитектурного приема выравнивания старых зданий в качестве фундамента для больших дворцов, Кносс и Фест представляют меньшую ценность, чем другие места на Крите, как , иллюстрирующие раннеминойскую эпоху - период, который предшествовал этим большим дворцам.

Таким образом, в один и тот же период на Крите процветали два великих дворца. Естественно, возникает вопрос, каковы были отношения между ними.

Установленные факты немногочисленны. Уже было показано на примере их керамики, что первые поселенцы в Фесте появились позже, чем в Кноссе, и переняли керамические новшества последнего. Большие дворцы двух городов были построены примерно в одно и то же время, возможно (ввиду сходства стиля), одними и теми же архитекторами. Оба дворца были разрушены неоднократно и в приблизительно известные даты. Таковы голые факты, открытые археологией, и лед для спекуляций на тему внутренней политики острова тонок.

Некоторые считают, как и Хозес (*loc. cit.*, p. 70), что первый дворец Кносса был "атакован и сожжен в конце второго среднеминойского периода, *возможно, соперничающим правителем Фестоса*". Однако единственная уверенность заключается в том, что Кносс был сожжен в то время, а Фест - нет.

У мистера Х. Р. Холла другое впечатление. Он говорит (*The Ancient History of the Near East*, p. 45): "В то самое время, когда царь Кносса построил свой новый дворец в своей столице... он также построил себе южный дворец в Мессаре..... Как из ближайших окрестностей Кносса открывался прекрасный вид на море, гавань и корабли талассократов, а за горизонтом виднелась Диа и, возможно, Мелос, так и с самого Фестоса перед царскими глазами открывалась столь же прекрасная, но другая перспектива; с вершины этого холма он мог созерцать с одной стороны снежные вершины Иды, а с другой - богатые земли Мессары". Он считает, что до того, как был построен дворец Фест, остров, или, по крайней мере, его центральная часть, был объединен под властью Кносса. По легенде, Фест был колонией Кносса.

Очевидно, что важным фактом, о котором следует помнить при обсуждении этого вопроса, является то, что, в отличие от микенских городов на материке, Кносс и Фест были в основном не укреплены. Правда, М. Дюссо предположил, что Кносс был укреплен, но подавляющее большинство ученых согласны с тем, что его предполагаемые "укрепления" не были ничем подобным. Доктор Берроуз посвятил этому вопросу специальную главу в еще не опубликованном пересмотренном издании своей книги, рукопись которой он оставил на мое попечение после своей смерти. Его общий вывод заключается в том, что, хотя, возможно, в ранние времена Крита существовали какие-то укрепления, Кносс установил мирный режим, когда она завоевала свое господство в Л.М.И. В любом случае, Кносс не был укреплен во времена ее империи. Ее не боялись внутри острова, и она владела морями.

Глава 7: Минойская архитектура и фресковая живопись

Пожалуй, самые яркие следы древней цивилизации Крита - это остатки зданий, которые были найдены в земле. Здесь есть комнаты, в которых жили, и они прямо-таки притягивают воображение. Реликвии зданий более обширны, чем реликвии любого другого вида, и они были первыми обнаружены экскаватором, так же как и первые объекты интереса для посетителей, которые сегодня посещают остров.

Постройки каменного века почти не оставили следов, ведь они были сделаны из таких скоропортящихся материалов, как грязь, тростник и плетеные изделия. Доктор Л. Пернье обнаружил под минойским дворцом в Фестосе фрагмент пола одной из таких глинобитных хижин. Он состоит из красной глины толщиной около четырех дюймов. Правда, недалеко от современного Палайкастро были найдены дома, построенные из неотесанного камня и относящиеся к эпохе неолита, но они исключительны. Только когда были изобретены металлические инструменты, камень стал использоваться для строительства. В начале бронзового века нижние стены строились из камня, а верхние - из обожженного кирпича, причем последние укреплялись деревянными подпорками. Для защиты стен от непогоды уже тогда использовалась известковая штукатурка. Позднее, в бронзовом веке, когда строились большие дворцы, стало принято возводить фундамент и нижние стены высотой около двух ярдов из прочных известняковых блоков, некоторые из которых были длиной в три ярда и шириной в один ярд, а также из гипса. Затем наносилось защитное покрытие из штукатурки.

Верхние этажи, как правило, были деревянными. Дерево широко использовалось. Профессор Моссо, говоря о стене вестибюля на вершине большой лестницы в Фестосе, отмечает, что "было сделано основание из алебаstra, в нем были проделаны отверстия, чтобы закрепить плиты из дерева по всему периметру. Они были скреплены вместе, а пустота заполнена смесью извести и щебня" (*The Palaces of Crete*, p. 47). Иногда в качестве балок использовались целые стволы деревьев, и до сих пор можно увидеть отверстия в камне, в которые они крепились.

В этих дворцах есть много особенностей, которые заслуживают подробного изучения. При строительстве больших дворцов было принято подготавливать грунт с помощью густой смеси извести, глины и гальки. Эта смесь застыла настолько прочно, что теперь ее приходится разбивать с помощью взрывчатки, прежде чем можно извлечь находящиеся под ней предметы. Лестница в Кноссе простирается почти на пятнадцать ярдов от края до края, а ширина ступеней составляет два с половиной фута, а глубина - едва ли пять дюймов. Самые знаменитые ступени в Риме были не более пяти с половиной ярдов от края до края. Двери дворца, которых было много, в открытом состоянии прилегали к стенам, чтобы не мешать пространству коридоров. В Хагиа Триада до сих пор можно увидеть, как в сырую погоду работают водостоки 4000-летней давности. В Кноссе главный сток, бока которого были покрыты цементом, был высотой более трех футов и шириной почти два фута, достаточно большой, чтобы по нему мог передвигаться человек; меньшие каменные шахты, которые впадали в него, все еще на месте.

Водопровод поступал во дворец с севера. В 1904 году сэр Артур Эванс обнаружил несколько труб, расположенных к северо-западу от дворца и проходящих вдоль мощеной дороги, ведущей к Театральному залу и Малому дворцу. Горловины этих труб направлены на восток, к дворцу, и ведут они с тех самых холмов на западе, с которых венецианский и турецкий акведуки до сих пор снабжает Кандию. Поэтому они должны были быть акведуками, а не стоками, и, вероятно, являются частью той же системы, что и терракотовые трубы, обнаруженные в ходе более ранних раскопок на востоке, и в то время считавшиеся связующими звеньями в дренажной системе. Доктор Берроуз описывает их следующим образом: "Каждая из них была длиной около двух с половиной футов, диаметр составлял около шести дюймов на широком конце и сужался до менее чем четырех дюймов у устья, где она входила в широкий конец следующей трубы. Застывание тщательно предотвращалось с помощью ограничительного гребня, который проходил по внешней стороне каждого узкого конца в нескольких дюймах от устья, а внутренняя часть стыка, или более широкий конец, был снабжен приподнятым воротником, который позволял ему выдерживать давление ограничительного гребня следующей трубы и обеспечивал дополнительный упор для цемента, который скреплял две трубы вместе" (*Ibid.*, p. 9).

В Кноссе также были бани. Во всяком случае, многие считают, что это были бани. Профессор Моссо считает, что это были часовни - хороший пример того волнения, которое сопровождает археологические исследования. По словам профессора Моссо, в них нет приспособлений для подачи и слива воды, что, как он утверждает, необходимо для бани; кроме того, бассейны выложены гипсом, который растворяется в воде; один из них был размещен в Тронном зале; и, наконец, они не были частными. Тонкий глаз профессора Моссо даже обнаруживает ограждение, которое, как он утверждает, было поставлено не для зрителей бани, а для хора капеллы. Это привлекательные аргументы, но д-р. Берроуз отвечает довольно просто: (1) аргумент с гипсом исключается, потому что он был бы покрыт штукатуркой; (2) терракотовые ванны были найдены рядом, и кносы вполне могли

довольствоваться ванной, а не погружаться в большой резервуар, для которого нужны сложные трубы; (3) ванна в Тронном зале использовалась для церемониальных омовений, для которых требовалось мало воды; и (4) не было найдено никаких предметов, указывающих на культ (например, изображений или алтарей), чтобы показать, что эти места были часовнями.

Или возьмем организацию освещения. Система шахт использовалась в Кноссе, в Тилиссосе (небольшой дворец в нескольких милях к западу от Кносса), в Фесте и в Агия Триаде. Свет падал вертикально в задней части комнаты, где крыша была оставлена незакрытой для этой цели, а пол специально зацементирован, чтобы выдержать воздействие погоды. Хотя сэр Артур Эванс в одном месте говорит о свете, "льющемся между колоннами", а в другом - о том, что он "проникает в более холодные тона", доктор Берроуз считает, что в последнем случае холодные тона были настолько холодными, что пришлось использовать лампы. На самом деле там было найдено множество ламп, . Также были найдены большие лампы из мрамора, которые, вероятно, вмещали два или даже четыре фитиля; одна из них была найдена в нише на лестнице в Тилиссосе.

Использование известковой штукатурки на внешних стенах дало возможность минойским художникам, которые не только писали на них фрески, но и придавали штукатурке рельефность. (См. "Минойская известковая штукатурка и фресковая живопись" г-на Ноэля Хитона, *журнал Королевского института британских архитекторов*, том xviii, стр. 697-710). "Фресковая живопись создавалась сразу же после застывания штукатурки, пока она была еще влажной. Использовались яркие краски - красная охра в раннеминойский период (изготовленная путем обжига желтой глины), затем желтая (из натуральной глины) и черная; затем синяя, прогрессирующая от бледно-зеленоватого оттенка в среднеминойский период до темно-синего в позднеминойский. Чашник - пример фресковой живописи, а голова быка - высокого рельефа; художники-фрески просто пытались нанести контур и размыть цвет в двух измерениях, не указывая оттенки или складки драпировки. Основное различие между критской живописью по мокрой штукатурке и египетской живописью по тонкому белому известняку заключается в том, что критская дает более яркое впечатление движения, а египетская - больше деталей. (См. "The Relations of Ægean with Egyptian Art", *Journal of Egyptian Archaeology*, vol. i, pt. 3, July, 1914, pp. 197-205). Отчасти это объясняется тем, что минойская живопись часто выполнялась, когда штукатурка была еще влажной.

На Крите есть много других мест, которые не могут быть рассмотрены здесь - Гурния на северном побережье, Палаикастро и другие на востоке, а также Врокастро. Их главное значение заключается в том, что они имеют отношение к минойскому градостроительству. Врокастро был исследован мисс Э. Х. Холл, которая опубликовала свои результаты в 1914 году (*Anthropological Publications of the University of Pennsylvania*. Филадельфия). Он представляет особый интерес, поскольку относится к железному веку и демонстрирует неполноценность этой эпохи по сравнению с ее предшественницей - бронзовым веком. В целом, дома в этих городах теснились друг к другу с целью оставить как можно больше земли свободной для сельского хозяйства. Они представляют собой плохие образцы домов - небольшие двухэтажные коттеджи с окнами по обе стороны от двери. Было обнаружено несколько комнат, в которых вертикальные грани скалы служили стенами - этот прием до сих пор используется на Крите. Интересно, что они были построены на скалистых выступах или отрогах гор - важный момент, связанный с падением Кносса и исчезновением его флота.

Глава 8: *Керамика*

"Превосходно легко, как когда какой-нибудь гончар сидит и пробует колесо, хорошо сидящее в его руках, чтобы проверить, будет ли оно работать" - Гомер.

Крит - единственная страна "доисторического" Ближнего Востока, которая не оставила о себе никаких сведений, кроме тех, что были обнаружены в результате раскопок. И даже надписи на глиняных табличках пока невозможно прочесть. Тем не менее, мы получаем яркое впечатление о критской жизни с ее художественной стороны, и в этом главная заслуга уникальной ценности керамики в археологии. Керамика практически не поддается разрушению. Хотя она может разлагаться в достаточно влажной почве, а рисунок может стираться при прямом воздействии огня и при наличии достаточного количества воздуха для окисления, однако сама ткань, изначально изготовленная из глины, запеченной под воздействием сильного жара, никогда не может быть уничтожена огнем. Она не ржавеет. Ее нельзя растолочь в пыль, потому что небольшой кусок обладает огромной силой сопротивления. В то время как каменные руины в Кноссе однажды исчезнут под воздействием погоды, керамика останется. Дефекты керамики - такой же ценный для археолога, как и ее качества. Ее хрупкость приводила к постоянному накоплению обломков. Замена поломок в том, что было предметом домашней необходимости, привела к непрерывному производству. Его дешевизна делала его бесполезным для грабителей. При разгроме и сожжении дворцов металлические предметы "забирали" либо за их реальную стоимость, либо за их потенциальную ценность в плавильном котле. Горшки оставались. Тысячи горшков были найдены на каждом участке Крита. Даже если фрагменты не удастся собрать воедино, они позволяют определить вид глины, декор и толщину оригинальной вазы, а полные образцы часто находят в гробницах, куда их помещали в качестве подношения умершим, в соответствии с почти повсеместным обычаем ранней греческой цивилизации.

Полученные таким образом свидетельства имеют множество применений. Они показывают последовательное развитие гончарного искусства как вида искусства, что само по себе интересно, и соответствующие изменения во вкусах людей. По мере развития искусства мы находим вазы, например, с нарисованными на них сценами, иллюстрирующими современные обычаи, способы погребения, религиозные обряды, стили одежды и зданий. Доисторическая керамика Крита так и не достигла этой стадии, но, несмотря на это, она предоставляет большую часть доказательств, на основе которых реконструируется минойская цивилизация.

Керамика также стала главным инструментом в разработке системы датировки. Предполагая, что на каждый метр отложений уходит тысяча лет - за исключением каменного века, когда накопление мусора происходило быстрее, поскольку хижины строились из эфемерного материала, такого как грязь и плетеные изделия, - каждый последующий слой датируется относительно глубины его залегания от поверхности. Ядром этой схемы служат горшки, которые в большом количестве встречаются в каждом слое. Другие предметы занимают свое место в зависимости от типа горшков, с которыми они были найдены. Не то чтобы этот процесс был простым. Существуют осложняющие факторы, и даже гончарные изделия создают трудности и неровности. В Кноссе, например, при строительстве первого дворца вершина холма была выровнена, и таким образом была срезана часть прежнего слоя. Очевидно, что и реликвии могут относиться к более раннему времени, чем то, к которому относится слой, в котором они найдены. Или же горшок может быть смещен в земле. Однако от ошибок предохраняет обилие горшков, что облегчает выделение общих классов.

Горшки, таким образом, встречаются на самых низких уровнях, чуть выше девственной почвы, поскольку самые ранние люди использовали их и разбивали. Медленность развития этого затянувшегося периода (неолита или позднего каменного века) четко обозначена. В Кноссе насчитывается около семи ярдов отложений, относящихся к этому периоду, и самая поздняя посуда практически не отличается от первой. Керамика сделана вручную, глина грубая, обычно серовато-сажевого цвета и более или менее обожженная. Реликвии состоят из ободков и ручек горшков, ободков тазов, мисок, тарелок и подобных фрагментов, слишком неполных, чтобы предположить оригинальные формы. Однако можно отметить два интересных момента. Горшки полировались вручную как внутри, так и снаружи, а в качестве орнамента использовались вырезанные или просто процарапанные на поверхности линии. Это примитивное проявление художественного импульса было позднее расширено за счет заполнения вырезанных линий белым веществом для большего эффекта. Подобные изделия были найдены в Трое и в Египте, и доктор Маккензи считает, что они были импортированы из Эгейского моря (*Journal of Hellenic Studies*, vol. xxiii, p. 159).

Непреодолимый импульс, проявившийся даже у первобытных людей в стремлении украсить свои обычные сосуды, иллюстрируется тем фактом, что полировка постепенно усиливалась, а блеск придавался рельефной рябью, сделанной тупым инструментом, вероятно костяным, и напоминающей рябь на поверхности воды. Среди самых поздних неолитических изделий, найденных в Кноссе, есть два замечательных образца резной посуды, изображающей веточку с листьями. На каждой стороне стебля - ряд маленьких продолговатых точек, заполненных белым мелом. И это, надо помнить, в период, который закончился около 3000 года до нашей эры.

Последовавший за ним бронзовый век, который принес с собой минойский период в Кноссе, примечателен первым использованием красок. Переход был постепенным и медленным, и действительно, в начале бронзового века наблюдается падение качества керамики. Это было связано с интересным результатом открытия металла, который переключил внимание искусных художников на новое средство, оставив обработку камня и глины для более слабых рук. Однако с точки зрения производства, вероятно, в то время был сделан большой шаг вперед. Тот факт, что глина теперь имеет терракотовый или кирпичный цвет, в отличие от прежней торфянисто-серой неолитической, позволяет предположить, что гончарная печь теперь использовалась для обжига.

Первой изобретенной краской была почти без блеска черная, которая постепенно превратилась в блестящую черную. Даже такое развитие сначала использовалось как имитация черных ваз неолитического периода, отполированных вручную. Краска наносилась по всей вазе, как внутри, так и снаружи, если горлышко было достаточно широким. Неолитические надрезы снова имитировались белыми геометрическими узорами, нанесенными на черный фон. Этот стиль не был обычным до конца раннеминойского периода (Е.М.III).

Серьезное развитие он получил лишь в начале среднеминойского периода. Однако затем оно пошло скачками. Гончарный круг был завезен, вероятно, из Египта, в конце раннего минойского периода I, и отныне горшки "бросали" точно так же, как и в наши дни. Можно представить себе, с каким усердием использовалось это великое, хотя и простое изобретение. Лепка глины большими пальцами на вращающемся колесе так легко и неизбежно привела к тонкости техники, что гончар вскоре стал подражать тонкости металла, а к концу Среднего Мinoa II стал производить вазы из "яичной скорлупы". В дизайне угловатые геометрические узоры к концу раннеминойского периода были вытеснены кривыми и спиралями, что стало логичным результатом использования кисти. Цвет тем

временем стал пышным и ярким. Существовало два стиля: либо весь горшок сначала окрашивался черным цветом, чтобы обеспечить фон для светлого рисунка, либо темный рисунок наносился на первоначальную светлую глину. Именно первый из этих стилей естественным образом поддавался цветовому отображению, за что и получил название "полихромный" ("многоцветный"). Другой стиль (монохромный, или одноцветный) опирался на простой черно-белый контраст. В последнем случае светлый естественный фон улучшался тонким буферным глиняным "слипом" или промывкой. Вполне естественно, что сначала художников больше всего занимал полихромный стиль. Яркие оранжевые, без блеска белые, желтые, красные, малиновые цвета на черном фоне использовались до фантастических пределов, пока длилась новизна цвета.

Следующее развитие произошло во второй среднеминойский период (М.М.II). Появился рельеф, который создавал эффект света и тени на черном лаке. Простые пятна цвета, которые представляли собой первоначальную форму рельефа, вскоре превратились в рельефные шишки и рога (так называемая "барботиновая" посуда). Среднеминойская "камаресская" (названная так потому, что первые образцы были найдены профессором Майресом в пещере на склоне горы Ида над деревней Камарес), или полихромная керамика, состояла в основном из чашек, "чайных чашек", кувшинов, амфор (или двуручных кувшинов) и ваз для фруктов. Здесь представлены три лучших образца. В среднеминойский период II впервые появились большие кувшины для хранения, или "пифои". Они были размером с человека и почти полностью повторяли современные критские кувшины. Две интересные особенности в декоре этих кувшинов имеют хитроумное практическое происхождение. Одна из них - рельефная имитация витков веревки, которая использовалась для перемещения кувшинов, а другая - орнамент "струйка", созданный с помощью брызг краски, стекающих по боковой поверхности кувшина, - приспособление, предвосхищающее неизбежные струйки, возникающие при хранении в нем масла.

К концу среднеминойского периода преувеличенное использование цвета, которым было отмечено первое появление полихромной посуды, уступило место концентрации на дизайне. Возможно, самым замечательным образцом этого позднего этапа является "ваза с лилиями", найденная в Кноссе. Ее высота составляет около двух футов, а дизайн представляет собой простой ряд лилий, нарисованных белой краской на пурпурном фоне. Форма вазы художественно сделана так, чтобы служить дизайну, позволяя лилиям слегка выгибаться наружу, а затем немного загибаться кверху.

ПОЛИХРОМНЫЕ КУБКИ

Из *Journal of Hellenic Studies*

[К началу [страницы 62](#)

Затем произошло любопытное столкновение в отдельной эволюции полихромной и монохромной посуды. Последняя использовалась как простое украшение для обычных сосудов, но к концу среднеминойского периода оба стиля начали объединяться в виде простого светлого рисунка на темном фоне. Затем произошел окончательный переход к монохромному темному на светлом, вызванный тем, что черный лак оказался более прочным, чем не имеющие блеска красящие пигменты. Лак, действительно, обладал удивительной стойкостью. Вероятно, он был предшественником того, который использовался в более поздних аттических вазах с черными фигурами, секрет которых до сих пор поражает изобретательность современных гончаров. Пока не удалось установить ничего, кроме того, что лак не был "глазурью" в современном понимании. Фактором, способствовавшим окончательному триумфу монохрома над полихромом, стала простая необходимость. Когда натуралистические мотивы стали доминировать в искусстве живописца, отсутствие зеленого пигмента не оставляло удовлетворительной альтернативы общему отказу от вариаций цвета. В позднеминойский период I, когда произошло полное поглощение полихромии монохромным стилем, мы видим общее использование блестящей коричнево-черной "глазурной" краски на булатной глиняной подложке, тщательно отполированной вручную на терракотовой глине. Натурализм растений и цветов теперь распространяется и на морские объекты - рыб, ракушки, водоросли, камни - и отличается тщательной правдой жизни. Ярким примером этого стиля является знаменитая ваза "осьминог", найденная в Гурнии.

Как подъем критской цивилизации был точно отражен в керамике, так и ее падение. В ней можно проследить общий упадок Крита. В богатый событиями период Позднего Миноса II, который ознаменовался окончательным разрушением Кносса и внезапным концом критского величия, керамика становится строгой и грандиозной. Растения и животные изображаются в бездуховной, условной манере. Деграция происходила быстро, и в позднеминойском III, который представлял собой последний этап минойской культуры, гончар держал свою кисть совершенно неподвижно и позволял вращающемуся горшку

делать все остальное. Не было никакого декора, кроме случайной группы горизонтальных полос, которые были просто каркасом более раннего дизайна.

Конечно, помимо ваз существовали и другие виды керамики. Критские гончары, даже в большей степени, чем современные, использовали глину в качестве материала для изготовления фурнитуры. Из глины делали не только кирпичи, водосточные трубы, украшения, но и лампы, чайники, даже шкафы и столы.

Глава 9: Происхождение письменности

Критская письменность появилась у критян еще в 2500 году до н. э. Язык, заложенный в ней, до сих пор остается для нас загадкой, несмотря на монументальный труд сэра Артура Эванса "*Scripta Minoa*" (1909). Остается надеяться, что сэр Артур найдет ключ к разгадке тайны, но на сегодняшний день факт остается фактом: нет отправной точки для любой попытки интерпретации. Если бы удалось найти двуязычную надпись - критский документ, то есть бок о бок с переводом на какой-нибудь известный язык, например египетский, - можно было бы начать.

Искусство письма неизбежно должно было развиваться на ранних этапах истории человека. Даже на самых примитивных этапах жизни возникала элементарная необходимость, например, идентифицировать свою собственность, и для этого наиболее вероятным средством была бы какая-то система маркировки. Затем, опять же, развитие общинной жизни повлекло бы за собой обязанность соблюдать договоренности или делать определенное дело в определенное время. Думается, даже для ума человека каменного века было бы слишком большой нагрузкой держать в голове все детали своего ежедневного, а тем более ежегодного распорядка, а носовые платки тех далеких дней, возможно, не были из такого материала, чтобы легко поддаваться мнемоническим узлам. Вполне можно представить себе, что в определенное время можно было бы рассчитать, на сколько дней вперед хватит провизии и когда, следовательно, охотник должен быть готов к вылазке. Можно подготовить удобную памятку с пиктографическим изображением какого-нибудь обыденного события, которое должно произойти в это время, и повесить картинку на видном месте.

Со временем круг деятельности человека расширялся, и, возможно, возникнет необходимость передать сообщение человеку на другом конце долины в условиях, когда он сам не может его принять. В таких случаях необходимо было составить письменное сообщение, поскольку оно могло быть частным или не подходить для устной передачи третьему лицу. Приведем конкретный пример из более поздних времен: Проит хотел убить Беллерофона, но не хотел делать это сам; поэтому он послал обреченного на смерть человека к ликийскому царю "с рекомендательными письмами, написанными на сложенной дощечке, содержащими много дурного против предъявителя... чтобы он был убит" (Гомер, "Илиада", vi. 169). Не все люди достаточно оригинальны, чтобы передавать такое сообщение устно от носителя.

Пятьдесят, а то и сорок лет назад среди греческих ученых было принято считать, что гомеровские поэмы были записаны лишь спустя долгое время после их создания, возможно, даже, как полагали некоторые, не ранее 560 года до н. э. До этого времени, учили нас, они сохранялись исключительно по памяти и в устной передаче. Но на основании приведенного

выше отрывка из Гомера - единственного отрывка в "Илиаде" или "Одиссее", где упоминается письменность, - Эндрю Лэнг в 1883 году утверждал, что искусство письма должно было быть известно ранним грекам. "Почти невероятно, - говорил он, - что быстро соображающие греки должны были пренебречь искусством, которое встречалось им повсюду в Египте и Азии". Он рассуждал лучше, чем знал. Искусство письма было известно не только ранним грекам, но и их предшественникам за несколько тысяч лет до этого, предшественникам, о существовании которых Эндрю Лэнг даже не подозревал. Любопытно, что в микенских останках не было обнаружено никаких следов письменности, хотя с тех пор было доказано, что этот факт объясняется простой случайностью.

В 1893 году сэр (тогда еще мистер) Артур Эванс вызвал всеобщее изумление, сообщив Эллинскому обществу о своем открытии того факта, что некоторые камни-печати, которые он нашел в Греции и которые считались пелопоннесскими, на самом деле являются критскими. Это поразительное открытие было закреплено в последующие годы обнаружением новых образцов критской письменности. Раскопки на Крите были начаты в 1900 году, и уже в первый год работы были найдены сотни глиняных табличек с критской письменностью. Сочинял ли Гомер сказочные истории, когда заставил Пройта отправить обреченного Беллерофона в Ликию со своей "сложенной скрижалей"? Или он знал, что ликийцы были колонистами с Крита?

Можно сделать предварительный набросок последовательных этапов, через которые прошло искусство письма, даже если он во многом зависит от неподтвержденных предположений. Трудно устоять перед соблазном заполнить пробелы с помощью разумных догадок.

Минойская письменность должна была начаться, вполне естественно, с простых пиктограмм, таких, какие, собственно, и были найдены - простых изображений человека, ноги, корабля, представляющих определенную вещь, которую хотелось обозначить. Их называют "идеограммами", потому что они обозначают одну идею. Затем они превратились в "иероглифы", то есть изображения, которые по ассоциации приобрели определенное применение среди людей, использовавших их, но первоначальное значение которых было утеряно, и теперь о нем можно только догадываться. В параллельном случае с египетскими иероглифами догадываться о таких значениях было опасно, так как во многих случаях установленное толкование далеко не совпадает с тем, что можно было бы предположить.

Первые пиктограммы появились в раннеминойский период (ок. 2800-2600 гг. до н.э.) и были обнаружены на камнях для печати. Поэтому можно с уверенностью предположить, что на Крите первым способом записи идей были оттиски печатей. К среднеминойскому периоду камни для печатей становятся удлинненными и содержат последовательность рисунков, с помощью которых можно было воспроизвести цепочку идей. Линии рисунков иногда читаются слева направо, иногда справа налево, в чем, как и в других чертах, они напоминают хеттскую систему письма. Во всех случаях документ читается в том направлении, в котором обращены содержащиеся в нем рисунки. В *Scripta Minoa* (стр. 203) приводится типичный пример этого вида: изображение корабля с двумя полумесяцами, вероятное значение которого - путешествие длиною в два месяца.

Следующий шаг в эволюции письменности, несомненно, произошел, когда изображениям были присвоены фонетические значения; то есть когда звук, произносимый при произнесении названия данной вещи, человека или действия, стал ассоциироваться с условной идеограммой, изображающей эту вещь, человека или действие. Когда это происходило, та же идеограмма начинала использоваться для записи других, более сложных

слов, в которых встречался тот же звук, хотя по *смыслу* они не были связаны с первоначальной пиктограммой. Возьмем гипотетический пример. Предположим, что мы находимся на этой стадии эволюции сегодня. Возможно, у нас сформировалась привычка обозначать топор простым изображением этого инструмента; впоследствии знак топора стал бы символом для написания того же звука, когда бы он ни появился в любом другом слове. Например, при написании слова "несчастный случай" мы должны начинать с изображения топора. Подобные вещи кажутся нам простым "каламбуром", но у первобытного писателя они вызвали бы не больше трудностей или колебаний, чем, скажем, у мистера Уэллера-старшего, для которого отношение письменного слова к устному и слов к вещам было все еще загадочным. Начав применять этот метод, он охотно применялся к новым словам.

Первая попытка "силлабики", или записи слова отдельными символами для отдельных слогов, была сделана более понятной благодаря использованию "детерминативов". Под "детерминативом" понимается пиктографическое изображение идеи, обозначаемой целым словом. Их можно встретить в написании слова, чтобы дать читателю хоть какое-то представление о том, обозначает ли это слово минерал, животное или растение. Например, за именем человека следует его изображение.

Физическое напряжение, связанное с рисованием картинок каждый раз, когда нужно записать пару слов, очевидно, вскоре стало бы невыносимым. Поэтому не стоит удивляться тому, что ко времени среднеминойского III периода иероглифы были упрощены до обычных знаков, которые было легче делать. Здесь зарождается то, что мы называем "линейным" письмом, то есть система письма, основанная на наборе регулярных форм, таких как наш собственный алфавит. К позднеминойскому I периоду на всем Крите использовалось полноценное линейное письмо, которое распространилось на Мелос и Тенос. Сэр Артур Эванс назвал это письмо "классом А", чтобы отличить его от параллельной формы, которая была введена в следующий период (Поздний Минойский II), и которую он называет "классом Б". Последний не является другим письмом, а просто вариацией, введенной, как предполагается, новой династией в Кноссе. Большинство дошедших до нас кносских табличек относятся к "дворцовому периоду" и написаны в стиле класса В.

Обычно надписи наносились стилусом, то есть заостренным металлическим стержнем, на глиняную табличку, и именно в таком виде сохранилось большинство надписей. Возможно, использовались и деревянные таблички, покрытые слоем воска; но даже если это и так, ни одна из них, конечно, не могла пережить сожжения дворцов. Еще более интересным является тот факт, что перо и чернила должны были использоваться даже в те далекие времена. Этот факт подтверждается находкой двух чаш (Средний Миной III) с надписями чернилами. Таким образом, можно не сомневаться, что длинные документы и любая литература, которая там имелаась, были написаны чернилами на папирусе. Вполне вероятно, что нам придется смириться с полной потерей всей подобной литературы, поскольку критской почве не хватает сухости египетской. Если наши худшие опасения оправдаются, мы можем испытать окончательный антиклимакс, обнаружив, что глиняные таблички, когда их прочитают, не будут содержать ничего, кроме списков и счетов.

Очевидно, что многие таблички состоят из счетов или описей. Хотя мы пока не можем понять язык письма, оказалось возможным, изучая глиняные таблички, реконструировать систему цифр, которая использовалась. Например, у нас есть запись, которая, очевидно, является описью стрел - запись, дополненная изображением стрелы. Из этой и других записей видно, что тысячи обозначались "алмазами", сотни - наклонными линиями, десятки - кругами, единицы - прямыми линиями, четверти - маленькой буквой "v". Наибольшее зафиксированное число - 19 000.

Хотя ученые все еще ждут четкой отправной точки для транскрибирования критской письменности, есть один интересный и важный момент, уже установленный сэром Артуром Эвансом. Он доказал к общему удовлетворению классических ученых, что финикийский алфавит, который всегда считался первоисточником греческого алфавита, а значит, и латинского, от которого произошел наш собственный, сам был заимствован с Крита. Эта теория, однако, оспаривается египтологами.

Существуют три фрагментарные надписи, две из которых были найдены не так давно профессором Р. К. Босанкетом в Прэсосе на Крите, недалеко от горы Дикте и к северо-востоку от границ Кносса. Они написаны греческими буквами, и поэтому вполне читаемы для нас, но содержат язык, который не является греческим. Является ли он языком минойцев? Пока невозможно сказать, хотя профессор Конвей, подробно исследовавший надписи в *Ежегоднике Британской школы в Афинах* (т. viii, с. 125, и т. x, с. 115), возможно, когда-нибудь сможет дать ответ.

Глава 10: Критская религия

Критская религия отличалась от религии классической Греции тем, что главным божеством, которому поклонялись, была богиня, Мать-Природа или Мать-Земля, некоторые из характеристик которой мы находим воплощенными в Рее из греческой мифологии. Матриархальная религия, по-видимому, была особенно характерна для очень ранних времен; через нее первобытный человек выражал свое почитание женственности. Критская богиня-мать занимала возвышенное положение. Она обладала верховной властью над всей природой; ассоциировалась с голубями, которые символизировали ее власть в воздухе; сопровождалась львами, самыми сильными животными земли; клеймила змей, которые живут под землей. Среди различных "культовых предметов", или ритуальных форм, используемых в поклонении, которые были найдены в ее святилищах, есть изображения коров с телятами, коз с грудными детьми и тому подобное.

В минойской религии был как бог, так и богиня, но он имел относительно небольшое значение. Велханос, критский Зевс - если мы можем предположить, что минойский бог был оригиналом этой фигуры из греческих легенд - был представлен как сын и муж матери-природы. По преданию, он был вскормлен козой Амалтеей в пещере Дикте и воспитан своей матерью Реей на склонах горы Ида. О его незначительности по сравнению с богиней говорит тот факт, что он был нарисован в меньшем масштабе, когда был представлен в ее компании. Эти два божества, вероятно, представляли собой, как предположил мистер Хогарт, "двойной монотеизм" - двойное божество, которому поклонялись, исключая все второстепенные божества. Если это так, то различные критские прототипы более поздних греческих божеств должны рассматриваться как разновидности самой Богини-Матери. Например, Афродите, богине любви, поклонялись в целом в Леванте, в Ханаане она была известна как Аштарот-Астарте, а в Египте - как Хатор; ее критское имя неизвестно. Греческая Артемида, богиня диких зверей, была предвосхищена в критской Диктинне.

Критский и эллинский Зевс отличался тем, что был смертен и, по преданию, умер на горе Юктас. Смертность их богов была одной из ярких концепций, которая отличала южные народы Ближнего Востока от поздних греков, пришедших с севера. Египетский Осирис, например, мог умереть, но ни один из греческих богов - нет. Критская богиня-мать

изображалась на камнях печатей и кольцах в одежде земной царицы, а Велханос - спускающимся с небес на землю молодым воином с копьем и огромным щитом.

Еще одним отличием критской религии от классической греческой было то, что, насколько можно судить, критская религия не породила никаких великих храмов и не оставила после себя более значительных следов своей деятельности, чем маленькие фигурки богини Земли, о которых я уже упоминал. Кносский дворец можно считать храмом, и это правда, что легенда делает Миноса не только царем, но и верховным жрецом. Однако вряд ли стоит сомневаться в том, что единственными местами, отведенными специально для поклонения, были небольшие частные святилища, использовавшиеся для семейного культа. Все свидетельства указывают на то, что в критском культе преобладала идея семьи. В частных домах были свои святилища, а в самом Кносском дворце-храме - меньшие семейные святилища. Эти святилища всегда отличались неким священным столбом - знаком, который в минойском искусстве часто используется как единственный признак священного места. На фресковой росписи, найденной в Кноссе, есть пример. Другой эмблемой, связанной с культом, являются священные деревья, которые на кольцах и камнях печатей обычно служат фоном для "хороса", или танца. Сам танец, несомненно, исполнялся в священных рощах.

В святилищах было найдено множество культовых предметов, самым распространенным из которых является загадочный Двойной топор. Тот факт, что эта эмблема также была особо связана с карийским Зевсом в Лабраунде, привел к общепринятой теории, что критский "Лабиринт" соответствует карийскому "Лабраунду", или месту "Лабруса", или Двойного топора; ведь Кносский дворец должен был быть, по сути, главным местом культа.

Бок о бок с двойным топором мы находим постоянно повторяющийся знак быка, животного, которое было священным не только из-за его физической силы, но и из-за его использования в жертвоприношениях. Саркофаг или гроб из терракоты, найденный в Агия Триада, содержит изображение жертвенного быка, следующего за процессией женщин-жриц. Ввиду того, что быку уделялось большое внимание в минойском культе, не нужно далеко искать объяснение критской легенды о Минотавре, чудовище наполовину человеку, наполовину быке, которое жило в лабиринте и требовало себе человеческие жертвы. Не исключено также, что опасный и жестокий вид спорта - бои быков - был частью того же культа. Головы быков изготавливались из керамики, а иногда и из золота, и использовались в качестве жертвенных подношений. Рога быка - рога посвящения - встречаются в святилищах среди ритуальных предметов.

Культовые предметы обычно были грубыми и нехудожественными. Ярким исключением являются некоторые блестяще раскрашенные фигурки из посуды, которую, будь она современной, назвали бы "фаянс", относящейся к среднеминойскому III периоду. Возможно, лучшим примером такой посуды является группа, состоящая из богини-змеи и ее жертв, которая была найдена сэром Артуром Эвансом в 1903 году и использовалась в святилище царского дома.

Особо важным элементом критской религии был культ мертвых.

Из многочисленных раскопанных гробниц видно, что в очень ранние времена было принято хоронить тело умершего в сложенном вдвое положении, подтянув колени к груди. В более поздние времена тело укладывали в полный рост. Неясно, было ли в этом выборе положения какое-то особое значение. Существовали различные виды гробниц и могил, все они использовались одновременно, и из них, возможно, наиболее интересными были "толосы". Слово "толос" в переводе означает купольное здание или ротонду, а особый вид гробницы, к которому оно применяется, представляет собой сводчатую камеру, вход в которую

осуществляется через подземный туннель, или "дромос". Вполне вероятно, что по форме эти "толои" были основаны на хижинах, которые в определенный период использовались живыми людьми. На Крите встречаются как круглые, так и квадратные "толои". Толос" в Агия Триада имеет круглый план, в то время как царская гробница в Изопате и другие тщательно продуманные гробницы эпохи больших дворцов - прямоугольные. Принцип толоса-гробницы был наиболее распространен в микенские времена на материковой части Греции, где "ульевые гробницы" почти все сохранились в оригинальной круглой форме. Холмистый характер Крита заставлял людей вырезать свои "толои" в склонах скалистых холмов, причем "дромос", или туннель, в этом случае пробивался в склоне почти горизонтально.

Другой разновидностью могил была шахта или яма-могила, которая представляла собой углубление в земле, на дне которого находилась сама могила, закрытая каменными плитами. Еще один вид был комбинацией первых двух и известен как "яма-пещера". Для этого сначала выкапывалась яма, а затем вырезалась могила в виде бокового углубления на дне ямы. Более простая форма захоронения, известная как "погребение в горшке", осуществлялась путем обвязывания тела, помещения его под перевернутый кувшин, а затем закапывания в землю. Шестой формой была простая могила, как у нас. Кремация не практиковалась в минойские времена, хотя она была завезена на Крит из Греции в железном веке. Глиняные гробы впервые стали использоваться в среднеминойский период, их делали в виде глубоких ящичков с покатыми крышами, напоминающими крыши домов.

Таковы были физические условия погребения. Мы практически ничего не знали о культе мертвых до 1913-1914 годов, когда сэр Артур Эванс опубликовал несколько важных открытий (*Archæologia*, 2nd series, vol. xv, 1913-14). До этого было известно, что мертвые в своих просторных гробницах почитались дарами, которые включали оружие, украшения и предметы, тесно связанные с ними при жизни; что делались подношения еды и напитков и зажигались угольные костры, возможно, с наивной или символической целью ободрить путника на его таинственном пути. Однако теперь в Изопате обнаружена новая серия гробниц, одна из которых, названная сэром Артуром Эвансом "Гробницей двойных топоров", как доказано, является не только гробницей, но и святилищем минойской Великой Матери. В этой гробнице были найдены сосуды для возлияний, в том числе "ритон" (или чаша для питья) в форме бычьей головы из стеатита, и пара двойных топоров; могила, в которой лежало тело, вырублена в форме двойного топора. "Культе мертвых, - говорит сэр Артур Эванс, - таким образом, вступает в прямую связь с божеством или божествами двойных топоров, и мы можем сделать вывод, что в этой гробнице останки умерших были помещены под божественную опеку каким-то церемониальным образом".

Глава 11: Мужчины и женщины, одежда и обычаи

Когда Кносс пал, Крит перестал быть главной державой на Ближнем Востоке. Сам остров был захвачен военными и морскими авантюристами, а центр средиземноморской жизни переместился на материковую часть Греции, откуда, собственно, эти авантюристы и прибыли. Однако интересно то, что критская культура ушла вместе с ними, и не в последний раз, и, возможно, не в первый раз "пленница привела в плен своего дикого завоевателя", как писал Гораций спустя столетия. Крит опустился до завоевания Греции, как и Греция, в свою очередь, опустилась до завоевания Рима.

Критяне как раса совершенно отличались от современных жителей Греции, физические типы которых были резко разделены берегами материка. Можно спросить: Стоит ли рассуждать о физических характеристиках народа, который процветал 4 000 лет назад, чье существование было скрыто Темной эпохой, наступившей перед греческой историей, и чье существование было открыто заново только на днях? И все же археология творит чудеса. Правда, в этой конкретной области, в которой археология в основном зависит от портретов и костей, больше споров и меньше уверенности, чем в других; и что краниология, или изучение черепов, с их многократно оспариваемой классификацией на "брахицефалические", или широкоголовые, "долихоцефалические", или длинноголовые, и "мезоцефалические", средние между ними, является плодотворным источником путаницы; что "цефалический" индекс - то есть ширина черепа над ушами, выраженная в процентах, которые дают пропорцию этой ширины к измерению длины того же черепа от лба до затылка - является плохим показателем чего бы то ни было. Тем не менее, есть основания предполагать, что начиная с позднего каменного века и далее острова Эгейского моря были заселены в основном представителями "средиземноморской" расы, небольшого роста, с овальными лицами, с тем, что краниологи могли бы назвать довольно "длинными" головами, с маленькими руками и ногами, смуглым цветом лица, темными глазами и черными вьющимися волосами.

Согласно профессору Х. Л. Майресу в его книге *"Рассвет истории"*, северо-западный квадрант Старого Света в расовом отношении делился на три пояса, которые определялись географическими условиями. (На севере находились чисто белокожие "бореальные" люди из Балтийского бассейна; далее шли мелкокожие "альпийцы", затем краснокожие "средиземноморцы". Третьим был незванный гость с Юга, не настолько южного, чтобы быть негром, но, вероятно, с северных берегов Африки. Его вторжение "стало частью гораздо более масштабного слияния животных и растений с юга и юго-востока в более холодные и влажные регионы, которые освободились после закрытия ледникового периода". Предел этого движения, по-видимому, был определен берегами материка, дальше которого легкие и телосложение людей не позволяли им продвигаться.

Установление факта существования средиземноморской расы привело, помимо прочего, к тому, что больше невозможно, как это неизменно делалось до раскопок Крита, приписывать все неясные факторы зарождения Греции финикийскому происхождению. Теперь мы знаем, например, что искусство письма пришло с Крита, а Феникс был его носителем; и что сама Феникс была лишь поздним центром общей эгейской цивилизации и получила свое название только потому, что была самой известной ветвью "краснокожей" расы; ведь "Фениксы" буквально означает "краснокожие", а у Гомера Феникс сам является царем Крита и дедом Миноса.

Минойцы, таким образом, были частью средиземноморской расы. Их одежда была намного проще, чем у классических греков. Мужчины носили короткие кальсоны или набедренную повязку, верхняя часть тела была обнажена, как на картине с чашечником. Этот стиль, как и сами мужчины, происходил из теплых стран к югу от Средиземноморья. Египетские фрески показывают почти точную аналогию типов в одежде и внешнем виде египтян. Те, кто внимательно следит за сохранением типажа, могут сравнить некоторые формы набедренной повязки, изображенные на камнях печати, с "бракаи", или мешковатыми бриджами, которые до сих пор носят на Крите. Старейшины и чиновники, очевидно, носили струящиеся плащи для придания им большего достоинства. Сапоги с высоким верхом - опять же напоминающие те, что носят сегодня, - были в общем пользовании. Мужчины, как и женщины, носили

длинные волосы, заплетенные в косы и свернутые на макушке, что было единственным головным убором.

Военное снаряжение минойцев было ограниченным. Их единственным оружием были длинный меч и кинжал, последний, как показывают изображения глиняных фигурок, носили на поясе спереди. Единственным защитным доспехом был большой щит из кожи и кожаный конический шлем. Щит был обрамлен металлической лентой, но не имел ни рукоятки, ни центрального босса; он был достаточно велик, чтобы закрыть тело с головы до ног, и мог быть согнут так, чтобы защищать обе стороны. На некоторых рисунках он изображен в виде любопытной восьмерки, защемленной посередине. Возможно, это связано с тем, что его принято было перекидывать через левое плечо, подвешивая за ремень, и для этой цели форма восьмерки могла быть удобной.

Лошади, по-видимому, использовались как для войны, так и для охоты, хотя у нас нет изображений, на которых они были бы оседланы. Имеющиеся свидетельства показывают их только в сбруе двухколесных колесниц. Это хорошо согласуется с замечанием профессора Уильяма Риджуэя (сделанным еще в восьмидесятих годах прошлого века) о том, что у Гомера лошадь была только запряжена и была не больше нашего осла. Есть основания полагать, что лошади были импортированы, и люди с богатым воображением признали доказательством этого тот факт, что был найден камень с печатью, на котором изображена лошадь на борту корабля. Намеренно или просто из-за грубости рисунка, остается мало сомнений том, что в основном занимало мысли художника, когда он создавал этот камень, ведь лошадь занимает три четверти длины корабля и возвышается над ним, в то время как экипаж стоит так же высоко, как колени лошади. О захватывающей истории лошади читатель должен прочитать в книге сэра У. Риджуэя *"Происхождение породы лошадей"* (Издательство Кембриджского университета, 1905).

Женщин легко отличить от мужчин на критских изображениях по их белой коже, что наводит на мысль о более уединенной жизни в помещении. Они носили большие тенистые шляпы, облегающие блузки с пышными рукавами, очень низко обрезанные спереди и выступающие вверх в виде пики на шее. На них были широкополые, богато расшитые юбки, похожие на кринолины, и пояса, как у мужчин. Впервые увидев некоторые из их изображений, один французский ученый сравнил кносских женщин с парижскими.

Минойские женщины имели гораздо более "продвинутый" статус, чем другие первобытные женщины. В искусстве своего времени они изображены появляющимися на публике в неприкрытом виде; они принимали участие в боях быков в Кноссе, а их апартаменты во дворце отличались особой роскошью. Самой большой славой для афинской женщины более позднего периода было быть "как можно менее упоминаемой среди мужчин". Для женщин Крита это не так. Возможно, особое значение имеет тот факт, что ликийцы из Малой Азии, которые были колонистами с Крита, практиковали называть детей по имени матери, а не отца (Геродот, i. 73). Если так было и на самом минойском Крите, это может служить возможным объяснением той свободы, которой пользовались критские женщины, ведь практика называть детей в честь матери, а не в честь отца связана с состоянием общества, в котором еще не сформировались какие-либо определенные представления о браке и в котором, как говорит Герберт Спенсер, "связь между матерью и ребенком всегда определена, тогда как связь между отцом и ребенком иногда можно только предполагать".

Глава 12: *От доисторического Крита до классической Греции*

К концу минойской эпохи критская культура начала распространяться по всему Эгейскому морю и достигла материка. Критские вазы находят далеко на севере, вплоть до Беотии, а многочисленные критские реликвии, обнаруженные в микенских гробницах, не были военными сувенирами; некоторые из них, относящиеся ко времени до падения Кносса, были мирным продуктом критских рабочих, которых побудили эмигрировать владыки Микен.

Люди с севера, которые в конце концов свергли то, что мы называем минойской цивилизацией, стали в некоторой степени хранителями критской традиции. Они продолжили менее великолепный этап критской цивилизации, который получил название "микенский". Они пришли в Грецию из земель, расположенных еще дальше к северу, откуда сами были вынуждены искать новые дома. Они спускались вниз последовательными волнами вторжения, люди, составлявшие первую волну, были известны как "ахейцы", "желтоволосые ахейцы" Гомера. Именно они - так, по крайней мере, считают некоторые авторитеты - разграбили Кносс, а затем, в течение тринадцатого и двенадцатого веков до нашей эры, скитаясь в поисках приключений, стали ужасом всего Эгейского моря. Египетская надпись тех времен гласит: "Острова были беспокойны, беспокойны между собой".

Египет и сам ощутил на себе последствия волнений. С "островов посреди Великого Зеленого моря" больше не приходили мирные минойцы, чтобы платить дружескую дань царю Египта; вместо них пришли ахейцы с немирной миссией. Было совершено два набега - по мнению изучающих египетские записи - один около 1230 г. до н. э., другой около 1200 г. до н. э. (см. H. R. Hall, *The Ancient History of the Near East*, p. 70. Methuen, 1913.) Г-н Холл называет более точную дату второго вторжения - ок. 1196 года. Вскоре после этого ахейцы в составе знаменитой экспедиции Агамемнона сражаются с троянцами в Малой Азии. Наконец, они взяли город в 1184 году до н. э., если принять дату, на которую указывает греческая традиция. Именно их подвиги в этой войне были воспеты Гомером. Через два поколения после Троянской войны, незадолго до 1100 года до н. э., Грецию захватили дорийцы, которые составили вторую волну северных захватчиков. После этого наступила Темная эпоха, из которой около 800 года до н.э. возникла классическая Греция.

Классическая Греция стала результатом слияния двух основных элементов доисторической эпохи - артистичного средиземноморского народа, с одной стороны, и сильных северных захватчиков - с другой. Как слияние, вероятно, завершилось в Темный век, так и первый поэт классической Греции, Гомер, будь то один человек или воплощение многих, возвестил о новой жизни в поэмах, которые, казалось, взяли свою тему из того Темного века. То, что написал Гомер, было, вероятно, не столько легендарным, сколько историческим. Сохранились ли традиции минойской эпохи на Крите в темную эпоху в Ионии, куда, как считается, их перенесли ахейские беженцы во время дорийского нашествия, охватившего Крит, или же они остались дремать на самом Крите и в микенских центрах материковой Греции, в любом случае можно с уверенностью сказать, что они хорошо сохранились, поскольку их следы можно увидеть во всей греческой цивилизации. От греческих писателей они перешли к поэтам Рима, а затем в искусство и литературу Европы.